

И. Е. ЗАДОРЖНЮК

Современная гуманитарная академия

Э. Г. ЛАВРИК

Институт славяноведения РАН, Москва

Наследие М. П. Драгоманова: централизм, самоуправление и региональная идентичность славянства

Иntenсификация исследований современных социально-политических процессов в Центральной и Восточной Европе ставит задачу поиска и исторических корней концепции региональной идентичности, многие моменты которой объясняют характер и результаты нового «геополитического районирования» на континенте. В связи с этим нельзя происходящее в одном из регионов – даже самом благополучном – рассматривать в отрыве от происходящего в другом – самом неустроенном. Надо со всей определенностью заявить, что как раз так ставил вопрос во всей своей многосторонней научной и политической деятельности и Михаил Петрович Драгоманов видный социальный мыслитель всеславянского и даже общеевропейского масштаба, которого, по иронии истории, числят чаще по ведомству этнографов, или фольклористов, или публицистов.

Что небезосновательно – во всех этих сферах Драгоманов выпустил классические труды. Но неосновательно забывать, что он – один из политических философов России и Европы первого ряда, а заодно глубокий приверженец и одновременно яростный критик «украинской идеи» в националистическом ее оформлении; все богатство его наследия в последних аспектах так и не освоено, на наш взгляд, как раз из-за его актуальности.

Дело в том, что Драгоманов, задавая высочайший уровень своими работами по украинской и русской культуре, так и не становился тем, кем, по мнению идейных противников, должен был стать: ни узким националистом, ни еще менее – великорусским шовинистом, даже «агентом царя» среди славян (17, 18). Он подходил к проблеме политической независимости славянства и национальной идентичности

составляющих его народов с позиций общечеловеческих идеалов и принципов европейской цивилизации, а также глубокого демократизма, социалистических устремлений, либерального мироощущения. Это – не эклектика, это уникальный сплав разнородных интенций, сделавших Драгоманова великим ученым, проницательным политиком, авторитетным общественным деятелем.

На это со всей определенностью указал М. Вебер в своей брошюре 1906 года, анализирующей революционное состояние России того времени. Немецкий социолог отмечал, что одно из основных препятствий на путях преобразования России – и при Российской империи Александра II и Александра III, а также, добавим от себя, при советской власти и даже в Российской Федерации – нерешенность проблемы конституционализма. И это при наличии более чем полдюжины конституций только в СССР – России в XX веке; правда, Франция, по подсчетам Драгоманова, за столетие с 1789 г. насчитывала 17 конституций. Вебер же подчеркивает, что к данной проблеме – в части двух элементов: соотношения централизма и федерализма, равно как и статуса наций и народностей в империях – корректнее всех подходил в XIX веке именно Драгоманов. А вслед за ним и во многом по его следам – политики-реформаторы, например, С. Витте, и ряд партий, например, конституционные демократы. «Драгоманов уже в начале 80х годов пытался примирить единство всероссийской культуры с идеалом самостоятельности культур отдельных народностей... Оно обнаружил большие способности в комбинировании экономических и национальных идеалов и в глубоком понимании этнографических и экономических отношений России того времени» (1, с. 165). При этом он, согласно Веберу, придавал особое значение культурным основам с целью сохранения «плебейской базы» национальностей (новшество Драгоманова в мировой социологической науке – введение понятия «плебейская нация», под ней подразумевается нация, элиты которой служат другим нациям или идеям, чем лишают свою нацию осмысленной политической программы и планов государственного строительства) – но находился в противоречии с сепаратизмом крайних националистов, признавая реально-политическую необходимость федералистического единства государства.

Макс Вебер оценил Михаила Драгоманова высоко и адекватно, отечественное обществоведение его, можно сказать, преступно-демонстративно не замечало – причем и в XIX, и в XX, и в нынешнем веке... Исключение в этом плане крайне немного: П. Струве и Б. Кис-

тяковский в дореволюционные времена и не пользующийся хорошей репутацией Д. Заславский в послереволюционные (11, 12). Есть еще зарубежный политолог М. Рудницкий, но его работы мало доступны отечественному читателю. Однако именно он отметил, что в синкретичном политическом мировоззрении Драгоманова ключевое место занимает либеральное ядро, а также его учение о федерализме и конституционализме; он доказал, что украинский мыслитель был не столько предтечей марксизма в славянских краях, сколько одним из первых его критиков, поскольку еще до Э. Бернштейна доказывал «еретическую» мысль: борьба за продолжительность рабочего дня и приемлемые условия труда важнее для социализма, чем схватка за власть; подчеркивал, что пренебрежение национальным вопросом – неизбежный грех любого либерализма и т. д.

Несколько слов о биографии: Михаил Петрович Драгоманов родился в Гадяче Полтавской губернии 16 сентября 1841 г. (примечательно, что 165летие со дня его рождения прошло практически незамеченным). Его отец был общественным деятелем, а дядя Я. П. Драгоманов (1801–1840) – членом декабристского Общества соединенных славян. Отсюда пиетет М. П. Драгоманова перед своими гимназическими учителями в Полтаве – поляком К. Полевичем и русским А. Строниным, в лицах которых он видел лучших представителей славянства и которые позже оставили свой след в науке (последний в качестве одного из первых отечественных социологов, его работа «Природа и люди» касалась вопросов о различии «людских племен» в истории).

В 1859 г. Драгоманов поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где примкнул к киевской «Громаде» – культурно-просветительской организации, участвовал в создании воскресных школ на Украине, при этом часто выступая со статьями в русскоязычных изданиях. Защитил в 1869 г. диссертацию «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит» на основе строго научного анализа показала большую «прогрессивность» Римской империи перед республикой; «радикальные» же друзья Драгоманова, не вникая в суть его аргументов, обвиняли его в потворстве монархизму.

Уже к этому времени у украинского социального мыслителя выработалась идея признания высшей ценностью свободной личности и ее прав, в том числе права на служение научной истине – а не на потакание национальным кумирам. Это было невероятно трудно

в условиях тройной цензуры – правительственной, революционной и узко националистической, но Драгоманов «стоял на том, и не мог иначе».

В 1875 г. Драгоманов был уволен из Киевского университета с правом работать в любом другом университете севернее, а в 1876 г. эмигрировал и до 1889 г. жил в Женеве. Здесь он принимал любого вновь прибывшего эмигранта, оказывал ему поддержку, снабжал связями и т.д. Но логика эмигрантства заключалась в том, чтобы видеть в добре – хитрость, в прямоте – лукавство, в желании помочь – интригу...

Особенно нелегко давалось Драгоманову дистанцирование от приверженцев национальной идеи, монополизировавших любовь к Украине (или к России, или к Польше, или к любой другой стране) и присвоивших себе право не учиться, а лишь учить и наставлять. Такой грех был свойствен и рафинированным немецким националистам, и эмоциональным польским, и эмигрантам из различных частей России. После 1889 г. Драгоманов возглавил кафедру истории в Высшей школе в Софии. Здесь он и умер в 1895 г., почитаемый как один из создателей местного университета.

В одном из предсмертных писем О. Огоновскому (18. марта 1894), выражая свое кредо по украинскому и славянскому вопросу, Драгоманов писал: «Наше главное отличие от националистов-укаинофилов в том, что мы ставим над национальными чувствами и интересами критерий всечеловеческой науки и таких же интересов – так мы идем в этом по следам апостола Павла, если не вспоминать уже о философах от Сократа, а в том, что мы не признаем обязательных мыслей, идеалов, святынь и т. д. – так это только право «свободного исследования», на котором стоит вся современная культура – по крайней мере начиная с Декарта» (3, т.2, с. 550–551). Из этого письма также видно, что, не отказываясь от настоящей, то есть доказываемой трудами, любви к Украине, он поднимался не только над узким, но и широким национализмом.

Можно утверждать, что Драгоманов одним из первых поставил проблему региональной идентичности Европы, столь весомую в наши дни, когда континент примерно равно делится на три региона: консолидирующуюся Западную, дезинтегрирующуюся Восточную (страны бывшего СССР) и оформляющуюся как региональное целое (даже если вынести за скобки вопрос о вхождении ряда стран в НАТО) Европу Центральную; последняя – пояс из 12 (до начала 90-х – 8)

государств от Балтики до Адриатики (9, 15, 20). Модель взаимодействия этнокультурного, политического и хозяйственного начал в странах и регионах, выдвинутая Драгомановым и подкрепленная его анализом оптимального соотношения самоуправления и централизации, заслуживает самого пристального внимания.

Проблема региональной идентификации двусоставна. Ее суть заключается в сосуществовании тенденций к расширению ареала региона и в то же время к обеспечению прав меньшинств: этнических, культурных, религиозных в регионах (районах) суженных. И здесь выявляется следующая закономерность: чем шире регион, тем легче сохранить гарантии этим меньшинствам. На этот счет есть современный позитивный опыт – создание Европейского союза, на фоне которого в известной степени утратила (хотя, конечно же, не исчезла) актуальность проблема сепаратизма (североирландского, баскского, фламандского и т. д.), и отрицательный – распад СССР, когда многие регионы или группы регионов пришли к столкновению по одной простой причине: они берут на себя больше (того же суверенитета или абсолютной уже независимости), чем могут вынести.

Похожие процессы наблюдались и в странах Центральной Европы, что выразилось, например, в «бархатном разводе» Чехии и Словакии, в квазиирредентистских политических установках Венгрии и т. д. Все же проблема идентификации в особо острой форме решалась в бывшей Югославии. Фактически суть сепаратизма здесь заключается в том, что чрезмерный акцент на правах отдельных религий, этносов, культурных групп, помноженный на неравномерность развития различных регионов, привел к кровавым вспышкам – в духе Тридцатилетней войны XVII века. Здесь также регрессирующе повторялся конфликт между развитым севером (Словения и Хорватия) и менее развитым югом (Союзная республика Югославия, ныне Сербия и Черногория). В свою очередь ситуация в Югославии проявляется – как меньшая матрешка в большей – в Боснии и Герцеговине.

Если следовать подобной логике, то источником нестабильности может служить любое селение, где проживают люди с различными этническим и религиозным профилем. И часто служит. Однако здесь с удивлением обнаруживаешь, что социологически и политико-философски данную ситуацию и, что важнее, выход из нее смоделировал видный мыслитель Украины – а в не меньшей степени и России – М. П. Драгоманов.

Плодотворен в этом плане его анализ ключевой проблемы российской государственности – соотношение центральной и местной власти, Петербурга и национальных окраин в XIX веке. Для ее решения он допускал провозглашение права на административную самостоятельность любой громады в касающихся ее делах (данное украинское слово не во всем равно русскому слову община, или польскому гмина, или сербскому задруга, ибо им означаются и более крупные сообщества: город, регион, даже нация) – но одновременно допускал создание более соответствующих духу времени крупных надгосударственных политических образований. Например, считал возможным укрепление Российской империи – как противовеса растущей силе империи Германской – беспощадно критикуя при этом имперскую политику и первой, и второй.

При этом Драгоманов не отрицал русскую культуру лишь потому, что сидящая в Петербурге бюрократия выпускает циркуляры, запрещающие «малороссийский язык». Он печатался в либеральных столичных журналах (в частности, в «Вестнике Европы»), за что его прозвали в Галиции «воинствующим москалем», а в Российской империи подвергли цензурным и иным преследованиям – как раз потому, что выступал за «малороссийский язык».

Радикалы «перетягивали» Драгоманова на свою сторону, которая выливалась в насильственную борьбу часто за рамки закона и даже правил нравственности – он же постоянно повторял, что является «социалистом-поступовцем», то есть постепенцем, если вспомнить самохарактеристику И. Тургенева. А уж приверженцы национальной идеи безоглядно числили его среди «своих», забывая, что эта идея для Драгоманова – лишь звено в цепи других идеалов, служащих подосновой любого человеческого общежития. Среди других звеньев – признание первенства прав личности (Драгоманов с редкой отчетливостью провозглашал их приоритет, полемизируя и с поборниками своеволия, в первую очередь бакунистами, и с неукоснительными «охранителями» государственного начала – даже с либералами Б. Чичериным и К. Кавелиным), личности как юридической целостности, до и помимо выяснения ее этнической принадлежности.

Это на одном полюсе. На другом же – признание благотворности федерации народов, поначалу славянских, а в дальнейшем – на уровне региона, в данном случае Центральной Европы. Его социально-культурное народоведение при этом соотносилось с политическими

реалиями того времени, а прогнозы весьма часто сбывались. Драгоманов выступал за социальную эволюцию – но он допускал возможность революции и не боялся ее, в чем он был предельно близок к позднему А. Герцену. Особенно весомы были его взгляды на формы общежития народов с опорой на федерализм как социальное, политическое и культурное начало¹.

Они никак не равны славянофильству, вызывавшему у Драгоманова постоянно критику – в отношении чешских, болгарских русских или любых иных славянолюбцев. В своей брошюре «По вопросу о малорусской литературе», выпущенной в Вене в 1876 г., он писал, что славянофилы середины 1870-х годов чаще знают и призывают то, с чем следует воевать, а не то, что надо устраивать. «Государствующие» же славянофилы только затемняли перспективу демократического освобождения славянства. «Настоящего, просветительно-гуманного и федерально-народного славянофильства в России были и есть только ростки. К числу таких надо отнести со стороны великоруссов Бакунина и Герцена, независимо от гегелианской мистики в их идеях и их ошибок, и со стороны малоруссов – киевский Кирилло-Мефодиевский кружок Шевченко и Костомарова» (4, т. 1, с. 389).

Все же Драгоманов и при демократическом освобождении народов выявляет и диагностирует начатки новой болезни: «помешательство централистического нивелирующего национализма распространяется теперь и на малые и свежие народности: уже и сербы занимаются оскорблением болгар и румынов, живущих на восточной границе княжества и из-за пустяков ослабляют к себе симпатии и солидарность целых племен». Исторический интерес представляет и такое наблюдение Драгоманова: прусские немцы в «своей» части Польши онемечивают местное население, но «укоряют поляков, что они ополячивают галицких русинов» (там же, с. 391). Если поменять «свежие народности» на «свежие государства», то, действительно, ситуация двойных стандартов диагностируется довольно точно. Поистине, мало что нового под луной...

¹ В книге Д. Заславского приведены интереснейшие мнения Драгоманова (в его трудах нам их не удалось найти): «Общая черта русской интеллигенции – это несоответствие слова и дела, слабость настойчивости и духа сопротивления начальству и нападения на него – черты, развитые во всероссийском человеке государственным периодом истории» (12, с. 108). «Считаю отделение культуры от политики одной из некультурнейших выдумок» (там же, с. 149).

Согласно Драгоманову, разрешение национальной проблемы недостижимо без решения общецивилизационного вопроса о соотношении централизации и самоуправления. Он был поднят в цикле статей по истории земского движения в России. Перед этим следует отметить: данные статьи являлись не только голосом социалиста и демократа, услышанный лишь единомышленниками. Они послужили источником известной записки С. Витте «Самодержавие и земства», выпущенной в 1903 г. (16). Ссылка на Драгоманова Витте не дал – ему как государственному деятелю столь высокого ранга, возможно, не пристало пользоваться аргументами политического эмигранта, это могло стать предметом недовольства самых разных кругов². Мало ссылались на него и конституционные демократы (помимо Б. Кистяковского и П. Струве), выросшие из земского движения.

Драгоманов же умел домысливать за политиков, иногда бравировавших яркими лозунгами, но не думавших, что за таковыми последует. Он непрестанно подчеркивал необходимость сбалансировать центральную власть, способную осуществлять судьбоносные решения (к примеру, освобождение крестьян в 1861 г. и следующий за ней пакет реформ), со стремлением местных сил саморазвиваться – и тем самым давать живительные силы первой, отсекая ее засушенные ветки.

В 1883 г. в Женеве вышла брошюра «18 лет борьбы с земством», подписанная инициалами З.С. и представлявшая собой перепечатку статей из «Вольного слова» – издания, редактировавшегося Драгомановым (6). Развитие в этой брошюре мысли имеют прямое отношение и к поиску этнической идентичности, ориентирующиеся на гарантии прав меньшинств.

Уже на первой странице Драгоманов, как всегда, ярко и остро ставит проблему: «Почти все вопросы политической жизни государства нашего времени сводятся к вопросу о самоуправлении, который распадается на два главных подразделения: самоуправление общегосударственное и самоуправление местное» (6, с. 1). В России этим разновидностям самоуправления особое значение придает фактор пространственный – без централизации государству существовать

² В его защиту выступило марксистское издание «Заря»; уличал Витте и Ленин, правда, потом обзывавший Драгоманова националистическим мещанином...

трудно. Его представляет, правда, „класс чиновничьего промысла”, отличающийся невежеством и хищническими привычками – хотя именно этого и не нужно при выполнении миссии сохранения единого и крепкого государства.

Поэтому-то мыслящие люди России искали средства обуздать этот промысел, ратуя за самоуправление, то есть за земство. Но как может отказаться чиновник от источника своего кормления!? Отсюда перманентные войны чиновничества с земством, централизованного руководства и самоуправления, что выливалось также в политические столкновения либералов-земцев и «охранителей»-консерваторов.

В войне же земства с чиновниками побед больше было на стороне последних. Еще до принятия „Положения о губернских и земских учреждениях” от 1 января 1864 г. в проекте 1859 г. земству передавались и административные функции, и самостоятельная власть. Против этого яростно выступило чиновничество самых различных рангов. В борьбе между ними „верховная власть приняла сторону чиновничества и земские люди оказались разбитыми. Вместе с ними оказалось разбитой, конечно, и сама страна, как это знаменуется повсеместным ее обеднением при постоянном возрастании государственных расходов” (там же, с. 8).

На чью пользу? – ставит вопрос Драгоманов. И отвечает: в первую очередь бюрократии... Отсюда виден и вечен основной мотив ее борьбы – чувство самосохранения. Законодатели же, с горечью отмечает Драгоманов, пошли “по следам приказного элемента”, то есть Государственный совет чаще всего санкционировал победы чиновничества над земством. Губернаторы поэтому часто просто издевались над земскими учреждениями, чиновники среднего ранга крючкотворствовали, а ранга низшего просто гадили... «Нужно удивляться, как земство было еще в силах сделать и то, что оно успело выполнить для нужд населения» (там же, с. 29).

Драгоманов видел явную пользу земства – но тем острее критиковал слабости одной из самых смелых реформ России XIX века. Безусловно, подчеркивал этот, по его самохарактеристике, социалист и демократ, в земствах непропорционально мало были представлены крестьяне. А они-то как раз и оказались наиболее рачительными хозяевами, что показала краткая история земств. Действительно, земские учреждения и здания оплачивались крестьянами в массовом порядке, а в истории остались те немногие, которые строились на

пожертвования помещиков да купцов... Во-вторых, ряд местных земских собраний, особенно с ярко выраженным этническим элементом, был закрыт. Земства не ощущали государственной финансовой поддержки, более того, у них изымались средства. Поэтому в целом общегосударственной системы местного самоуправления не получилось.

А промышленные инициативы ряда земств? Тверяки, рассказывает Драгоманов, учредили через земства сыроваренное дело, получали неплохие доходы. Тут же появились немцы (в данном случае местные, российского разлива) – и при помощи чиновников переподчинили это прибыльное дело себе... Такого рода истории, когда за национальными столкновениями оказывались довольно прозрачные экономические интересы, проявлялись повсеместно и в Российской, и в Австро-Венгерской, и в крепнущей Германской империи, заключает Драгоманов³. Поэтому часто за усиленной этнической идентификацией прячутся растущие экономические притязания некоей социальной группы.

Таким образом, считает Драгоманов: «Вместо самоуправления были даны его неорганические обрезки», хотя земству нужны гарантии „вне государственного самоуправления!” (там же, с. 102, 103). Этим восклицательным знаком и заканчивается брошюра, представляющая сегодня библиографическую редкость, но важнее невестребованная в плане многих аспектов исследования процессов этнической и региональной идентификации.

В статье *Земский либерализм в России и Самодержавие, местное самоуправление и независимый суд* в первом номере журнала „Свободная Россия” в 1889 г. осуждалось контрастное отношение реакции на земство, увенчавшееся закрытием ряда земств и ликвидацией всеобщности в избирательной системе, усилением административного контроля в «национальных окраинах». Но органы самоуправления все-таки неистребимы в принципе, справедливо замечает Драгоманов, если же произойдет реставрация системы Николая I, то она погубит Россию.

³ Отдельного разговора требует описываемая украинским мыслителем борьба клерикалов с земским образованием. Ее следовало бы вспомнить и сегодня, когда уроки Закона Божьего в иных местах вытесняют уроки математики...

Либеральный дух возвращался в земстве в борьбе против волеизъявления администрации. Через земство либерализм вышел за пределы кабинета: от кружкового движения к движению политическому, от теоретического к практическому. В конце 50-х это вылилось в ряд дворянских адресов в пользу земств и инициативу Н. А. Милютина, который считал, что прежде чем приступить к реформам политическим, надо окончить реформы административные, а тем самым приучить страну вести свои дела на началах самоуправления. Земства в этом плане должны были служить школой представительных учреждений.

Но школу эту стремились прикрыть вследствие реакции поначалу на польский сепаратизм (Драгоманов имеет в виду восстание 1863 г.), а затем в ходе последовавшей общей реакции. Ведь ее возглавил консерватор П. А. Валуев, рассматривавший земство в первую очередь как средство сохранения привилегий дворянства. Это – да еще давление бюрократии, привыкшей к произволу, да разгон петербургского земства в 1887 г., когда оно ратовало за Земский собор – охладило энтузиастов местного самоуправления. „Очень медленным опытом лучшие земцы были приведены к сознанию невозможности плодотворной деятельности в местных учреждениях без общей политической свободы” (4, т. I, с. 802). Тем более, что правительство все чаще выпускало законы, шедшие вразрез с начинаниями земства в пользу государства. Не благоприятствовала им внешне- и внутриполитическая обстановка конца 70-х годов: Русско-турецкая война и усиление кровавого террора со стороны революционеров. Нарастало сочувствие революционерам, оправдание В. Засулич обнаружило пропасть между царем и обществом.

В подобных тяжелых условиях, считает Драгоманов, земцы сделали достаточно много, чтобы поставить вопрос о политической свободе, но мало, чтобы дать ему разрешение помимо случайностей. А если взять такую „случайность” как 1 марта 1881 г., то ясно, почему до такой свободы путь в России оказался очень далеким...

И здесь Драгоманов подводит к более широким выводам. Любая политическая случайность, считает он, а тем более неизбежность должны предвидеться людьми, которые желают быть серьезными политиками. Так, нельзя не учитывать прохождения цикла: революционная вспышка – реакция, отбрасывающая назад центр и оставляющая в тени сведущих земских людей. Они в 1879–1883 гг. – при благоприятном течении политического процесса – должны были

принять программу дальнейшего преобразования системы местного самоуправления. Тем самым „внутреннее развитие России стало бы на нормальную мирную дорожку, а вместе с тем радикально изменилось бы положение ее среди соседних народов, из которых даже те, которые льнут к ней из страха разных западных поглотителей, бояться ее порядков и их влияния” (там же, с. 817). Но у земства оказались мощные враги, причем с двух сторон. Это политики типа Дм. Толстого – обскуранта, но и министра просвещения (сколь привычное для России сочетание!..) – и социальные революционеры, которые террором хотели заставить царя обеспечить права человека и которые отдаленно ориентировались на куда больший „кусок власти”, чем какое-то там земство.

Украинский социальный мыслитель пишет, что земцы пытались сдерживать энергию социального разрушения и тех, и других; более того, он замечает, что к нему лично – прямо или косвенно – обращались умеренные реформаторы, чтобы сдерживать террористов. Но... и реакционеры, и революционеры считали: только не эволюция! Только не „муравьиная работа”! Только не „малые дела”! (Народники приняли теорию малых дел своего идеолога-постепеновца Я. В. Абрамова, призывавшая в частности интеллигенцию работать в земствах, только с середины 1880х гг.) Таково было умонастроение, питаемое столкновением власти, с ее сверхпривилегиями, и революционеров, с их сверхпретензиями – об устройении нормальной жизни и те, и другие думать особо не хотели, хотя клялись «именем народа» постоянно. На это и указывали яростно презируемые ими совместно либералы (14, с. 7–8).

Драгоманов знал, что говорил. Он был в переписке с революционером А. Желябовым, человеком ума государственного, но к нему прислушивалась и другая сторона – министр М. Лорис-Меликов (4, т. 1, с. 814). Все же, приходится повторять еще и еще раз, его призывов к умеренности и постепенству ни те, ни другие не слышали.

Революционеры в 1878 г. рекомендовали земству „написать на своем знамени три положения: свобода слова и печати, гарантии личности, созыв Учредительного собрания”⁴ (там же, с. 817). Но

⁴ О манипуляциях с идеей и проектами Учредительного собрания, содержащих зерно распада в январе 1918 г. Собрания реального, писал М. Вишняк, упоминавший рассматриваемую здесь работу Драгоманова. Но значимость идеи „земствоустройства”, „громадства” в полной мере Вишняком не оценена (2).

сами-то они видели в этом собрании только удобный рычаг социальных преобразований, а не орган народного представительства, и Драгоманов предвидел, что такая стратегия направлена на замену одного централизма (бюрократически-самодержавного) другим (революционно-целесообразным). Земское самоуправление при этом как-то выпадало из поля зрения централиста в любом его облики.

Разрешению национальной проблемы, равно как и решению рассматриваемого здесь общецивилизационного вопроса препятствовал, пронизательно указывает Драгоманов, органический порок русского государственного менталитета – страсть к авторитаризму. Он подчеркивал, что у известной части русского населения, особенно столичного, неотъемлемы авторитарные стремления – несмотря на внешне демонстрируемый либерализм. „Так как иллюзию о социалистическом большинстве в русском народном собрании, которая сначала излагалась в „Народной воле“, трудно было поддерживать, а признать, что при политической свободе приложение идей социализма к жизни будет зависеть от сознательной борьбы разных классов, на почве самоуправления, т.е. от медленной и более или менее законной агитации, было довольно тяжело для многих „народников-революционеров“, то оставалось только ухватиться за новую иллюзию предварительного социально-экономического преобразования России посредством революционной диктатуры, а потом уже созыва народного собрания” (там же, с. 821–825).

Заметим, что это цитата не на конкретную ситуацию. Попробуем, к примеру, заменить слово „социализм” на ему противоположное и проанализировать «капиталистическую революцию» в перестроенном СССР, а затем в России⁵.

⁵ Одна из причин такого менталитета, считает Драгоманов, – вхождение в политическую борьбу в слишком юном (не обязательно физически юном) возрасте, без специального образования – и даже вместо его достижения – и без профессионального положения (правда, уже было положение „профессионального” революционера). Главное – радеть за народ, но ведь министр Дм. Толстой чувствовал себя не меньшим „народником”, чем Желябов... Радеть – но при этом решать за его спиной, какая администрация ему подошла бы лучше. И зачем таким „народникам” земство?! Оно лишь своими рутинными требованиями да мальми делами лишь мешает единственно верному выбору... Но истинная политическая свобода, убежден Драгоманов, возвращается только на земле, в земствах, а не над поднятыми над нею кабинетах, не в правительственных учреждениях. Если же радикалы и пойдут на сближение с земством, допуская

И все же, прогнозирует Драгоманов, „нашим младшим поколениям самим надо будет стать людьми общества и земцами и активными либералами” (там же, с. 829). То есть знать в первую очередь местные нужды и через них приобретать и специальное образование, и профессиональное положение. Надо сказать, что земство конца XIX – начала XX века во многом последовало совету Драгоманова, оно укрепило и сцепило Россию в три года Первой мировой войны – но над ним в настоящем довлел кошмар властей предрежащих, а в будущем властей карающих. Земство было размолото в жерновах централизма и авторитаризма: в дореволюционном о послереволюционном его вариантах.

Устои и суть земского либерализма в трактовке Драгоманова: „неприкосновенность основных прав и местное самоуправление, обеспечиваемое самоуправлением государственным” (там же, с. 836) – в России так и не укрепились. И после 17 октября 1905 года, и после февраля 1917 года, и после весны 1921, и после многочисленных оттепелей... И все же, был убежден Драгоманов, «крот истории» роет безостановочно, а происшедшее в одной стране повторяется – со все сокращающимися издержками – в другой. В этом плане примечательно его наблюдение, описанное в указанной статье *Земство и либерализм* (фрагменты из нее были опубликованы в журнале «Новое время», публикация подготовлена Э. Лаврик). Так, Франция выделилась из Каролингского конгломерата в 843 году, Владимирско-Московское княжество из старорусской политической системы – в 1243 г.; разница около 400 лет. Система Генеральных штатов во Франции сформировалась в 1302 году, первый Земский собор прошел в Московском государстве в 1550 году: разница 248 лет. Последний созыв Генеральных штатов 1614 году, последний Земский собор 1698: разница 84 года. Попытка созыва Генеральных штатов, ограничивающих абсолютизм, 1649 год, а ограничения самодержавия императрицы Анны – 1730 год, разница 79 лет.

Приводя и другие данные, Драгоманов заключает, что «расстояние между этапами политической жизни Франции и России с каждым из них сокращается» (13, с. 59). Это, по ряду соображений

он, то „хождение” в общество может оказаться немногим более успешным, чем предпринятое в 1874 г. „хождение в народ”. Впрочем, замечал Драгоманов, радикалы предпочтут любому из них „хождение во власть” (по названию мемуаров А. Собчака)...

Драгоманова, касается и моделей разрешения социального и национального вопросов. Да и процессов становления и укрепления региональной идентичности – тоже.

Общесцивилизаторская работа земств, неоднократно отмечал Драгоманов, постепенна и трудна, она мало захватывает воображение. И если факты национальных столкновений (угнетение немцами населения балтийских губерний, столкновения украинцев и поляков, русификаторство польских земель) заметны и „привлекательны” – факты их мирного сожительства тусклы и неинтересны...

Но беда в том, что такая „привлекательность” во многом обуславливает логику сепаратизма! Драгоманов же считает настоящей и конструктивной „не столько политику сепаратизма, как политику децентралистического либерализма, который признавал бы право на существование каждой национальности (национального языка), но одновременно представлял бы соответственную автономию всем политическим единицам, а именно: общинам, сельским и городским, и общинам сборным – уездам и областям, притом в рамках свободного государства. Земский либерализм в России как раз и заключает в себе довольно определенные зародыши такого политического идеала” (4, т. 1, с. 842).

Но, отмечает Драгоманов, на пути осуществления этого идеала стоит чиновничество: от мздоимца на нижних этажах до самодержавного, выражаясь современным языком, „приватизатора” власти наверху. Комментируя один из проектов, отвергнутых Государственным советом, хотя и поддержанных царем, он пишет: „Что же за люди управляют Россией и ее самодержавием?! И однако же воля этих людей уничтожит у нас такие учреждения как мировой суд и земское представительство!” (там же, с. 860).

Земские учреждения не могли не вызвать к себе ненависти бюрократии, самодержавной по-своему, а при этом ленивой и своекорыстной – равно как и страха у недальновидной династии, представляющей скорее фиктивное, чем реальное самодержавие. Местное представительство должно было быть уничтожено, ибо оно по необходимости потребовало бы представительства политического – на государственном уже уровне. Отказ от такового, прогнозировал Драгоманов, „приведет к земскому разорению еще условие крестьянского озлобления” (там же, с. 862). Действительно, люди привыкают к „хорошему” – в данном случае земским школам, земской медицине и т.п. Либералы же вместо работы по государственному устройству

будут выражать сочувствие заговорам... Фактически прогноз оправдался: крестьяне яростно жгли те барские усадьбы в 1905 году, хозяева которых, поддерживаемые бюрократией, не озаботились местными интересами. Либералы же считали за честь участвовать в общих мероприятиях с эсерами-бомбистами...

К сожалению, Драгоманов лишь наметил проблему соотношения земства с национальным вопросом с привязкой к условиям России и Европы. Может, у него и были в этом направлении наработки, но самостоятельность занятой им позиции не способствовала публицистической активности в этом отношении. Город София оказался местом, где могла развиваться в основном лишь теоретическая деятельность Драгоманова.

Все же в его небольшой работе *К вопросу о национальностях в России* (1892) его кредо обнаруживается с достаточной четкостью. Драгоманов отмечает: „По части политических прав никаких уступок мы не делали и не сделаем никакому абсолютизму: ни царскому, ни «народному», или республиканскому, ни в теории, ни на практике”; эти политические права включают, помимо прочего, „признание национальности как одного из основных личных прав, а местного самоуправления как рамок, в которых лица каждой национальности могли бы заниматься своими делами, удовлетворяя и своим национальным потребностям” (там же, с. 865). И с опорой на них Россия могла бы устроить свои национальные и общественные дела как Швейцария или Бельгия, не говоря уже об Австро-Венгрии – странах также многонациональных⁶. Социальный идеал в уже наличествующих условиях выражается почти афоризмом: **„почва личных прав и местного самоуправления, основанного на политическом, а не на этнографическом начале”** [4, т. 1, с. 866] (подчеркнуто нами. – И.З., Э.Л.).

⁶ Примечательно такое суждение Драгоманова: „Нет ничего неправильнее против сопоставления России Западу, которое есть в сущности отголосок исключительно вероисповедного взгляда на жизнь и историю” (4, т. 1, с. 830). Доказывается это положение, во-первых, общностью векторов эволюции политических структур: от монархии с совещательными элементами к монархии самодержавной, а затем к „атрофии монархически самодержавного элемента перед земским выборным, который сам все более демократизируется”, а во-вторых, посредством процесса „ускоренного преодоления запаздывания в политическом развитии” (там же).

Естественно, список работ Драгоманова по проблематике местного самоуправления приведенными статьями не исчерпывается. Но с конца 80-х он практически не публикует оригинальных работ на русском языке. Зато в 1892 г. в Женеве выходит с его предисловием знаменитая книга *Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену*, при этом в его комментариях даны широкие перспективы формирующейся политической философии либерального консерватизма. Сам Драгоманов предпочитает называть ее платформой конструктивного политического реформизма. Год спустя с таким же обстоятельным предисловием и глубокими объяснениями вышли *Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву*. Эти издания послужили материалом для статей одного из авторов (7, 8).

Правда, и в это время взглядам Драгоманова находится место в довольно узком русле изданий на украинском языке. В основном – в журнале „Народ”, издававшемся его друзьями М. Павлыком и И. Франко в небольшом местечке Коломыя. В 1891 г. в нем вышли *Мудреные письма об украинском национальном деле*, где проблеме местного самоуправления уделяется лишь некоторое внимание. Им, в частности, осуждается чрезмерная централизация, „заостренная чиновничье-царским самодержавием” (5, с. 543). Противостоявшие этому силы – не сепаратизм, а федерация всех недержавных народов.

Пожалуй, в наибольшей степени выражены взгляды на соотношение начал местного самоуправления и национального в двух местах этой фундаментальной работы Драгоманова. Ими и ограничимся, не вдаваясь в комментарии. „Безусловно, и в России придется вести борьбу против государственно-национального централизма, но все же эта борьба вовсе не безнадежна. Наиболее ответственными будет, когда борьбу эту, например, мы украинцы, будем вести на почве не национальной, а государственно-административной, то есть выставляя на первый план потребность автономии местной и краевой, автономии громад, поветов (уездов), провинций (губерний и их групп). Такая программа будет иметь за себя всех разумных людей, какой бы национальности кто ни был, а там, когда какая-нибудь громада или страна, пользуясь своим правом, устроит себе школы с каким-либо преподаванием национальным, то это будет ее дело; главное, чтобы никто сверху не имел права ей препятствовать. На таком порядке, а совсем не на разделе страны по этнографической карте держится национальное равноправие в Швейцарии. В таком строе и есть подлинный, здоровый, всем пригодный федерализм,

который совсем не то, что размен национализмов и национальных гегемоний на мельчающую монету, как мы видели это у разных национальничков, а прежде всего австрийских” (5, с. 544–545).

Потребность в этом децентрализме в Европе очень большая, но и противостоявшие ей силы немалые. Это в первую очередь «энергия объединяемости» Италии и Германии, национальная несбалансированность Австро-Венгрии, реакция в России. Но к модели Швейцарии приближается Великобритания, развивается федерация и в Америке... По убеждению Драгоманова, вторая тенденция будет охватывать и другие страны, да еще и ускоряющимся темпом, если вспомнить обосновываемую им закономерность сокращаемости этапов в достижении политической зрелости государств и народов (на примере Франции и России).

Отрадно, что этим традициям следуют представители черниговского и херсонского земств, являющихся лидерами движения в целом, отмечал Драгоманов. Действительно, именно они составляли конструктивную силу в противостоянии самодержавию. „Украинские автономисты сделают разумней всего, когда решительно свяжут свои судьбы с судьбой земств на Украине, и, значит, во всей России” (там же, с. 546).

И последняя работа жившего в Болгарии всеславянского социального мыслителя, появившаяся уже после его смерти. Это – ответ на письмо кружка молодых украинцев к человеку, к голосу которого, по мнению отправителей, прислушивается вся Европа. За ответом Драгоманова были трудные размышления о делах на Украине, где росло национальное движение, а вот культура, литература, работа по просвещению не показывала явных успехов по сравнению с 60-70-ми годами. Были сомнения, как поведет себя новый император российский... Было смутное время „предмарксизма”, менявшего народничество.

В письме Драгоманов пишет об общей беде всех трезвых политиков – своем одиночестве. О падении интереса к украинству в Европе. О косной мощи русского правительства, с которым Европа считается больше, чем с революционерами. И о том, чтобы молодые украинцы становились серьезными европейскими поступовцами (т.е. умеренными либералами). А там, где можно – в Галичине, например, – создавали очаги сознательной украинской демократии.

Что же делаете в России? – ставит вопрос Драгоманов. И отвечает из своего Софийского далека: не берусь советовать... „И все-таки

одно я имею право сказать, что нечего себя обманывать: пока в России не будет политической свободы, до тех пор украинское движение не будет иметь там серьезной почвы. Политическая же свобода в России не может быть достигнута иначе, как совместным действием всех ее просвещенных народов. Поэтому и украинолюбцам надо бросить надежды, что они могут чего-нибудь достигнуть бесполитическим культурным трудом, равно как и надеждами на Австрию. Все это маниловщина, за которую прячется определенная чичиковщина” (3, т. 1, с. 440–441).

Так вот написано... Есть над чем подумать нашим борцам за национальные идеи по обе стороны так неожиданно воздвигнувшихся границ. Которые – по законам «хитрой» диалектики – будут слабыми, если станут непроницаемыми, и будут надежными, если станут открытыми... (10).

Примечателен и его диагноз западоцентризма, поставленный еще в 1873 г. и присущий некоторым политикам Галичины, которые стояли на антироссийской платформе, особенно если привести его дословно на языке оригинала: „А коли я спитав, на віщо ж нам покладати надію і що нам робити? – то дістав відповідь: «На Бісмарка, котрий колись одбере половину Росії, а поки що нічого не робить і сидить мовчки». «А по чім же й Бісмарк буде знати», «что в городе NN живет Петр Иванович Бобчинский, украинофил?» – спитав я і, звісно, одповіді не получив” (3, т. 2, с. 226–227). На русском это звучит примерно так: «А когда я спросил, на что же нам возлагать надежды и что нам делать?» – то получил ответ: «На Бисмарка, который когда-то отберет половину России, а пока что ничего не делаете и сидите молча». „А каким же образом и Бисмарк будет знать, «что в городе NN живет Петр Иванович Бобчинский, украинофил?» – спросил я и, естественно, не получил ответа”. Надеждами на помощь извне преисполнены сегодня политики уже не только Галичины, но и Киева...

В заключение отметим: сила Драгоманова как русского, украинского и всеевропейского⁷ мыслителя в том, что он переносил самые

⁷ Драгоманов был одним из авторитетных эмигрантов из России, чему способствовали его высокие нравственные качества. Эта сторона его жизни и деятельности нуждается в особом рассмотрении. Здесь мы ограничимся цитатой из фундаментального труда Т. Г. Масарика *Россия и Европа*: „Драгоманов как защитник интересов либералов-конституционалистов в zemствах со всей серьез-

отвлеченные идеи на практическую почву политических решений, вглядывался в реальности, а не только в идеалы. Решая проблемы этнический и региональной идентичностей, Драгоманов, вопреки обстоятельствам, вопреки судьбе, вопреки давлению прошлого, настоящего и будущего, создавал – и во многом создал – политическую философию социального и национального единения, отвечающую задачам наступающего века. Но как оказалось не XX, а, по всей видимости, уже XXI века.

Суть этой философии – в принципе „громады”, организованного самоуправления общества снизу доверху. В XX век вакханалии централизации эта идея была и остается не востребованной и даже неузнанной. Но да не отвердится (по слову Струве) эта вакханалия в сталактиты централизма, губительного для судеб современного мира в новом веке.

Опасность этого мы и постарались рассмотреть на довольно узком участке теории и истории борющегося за самостоятельность земства, а также соотношения центра и окраин в имперской России. Дальнейшие усилия в данном направлении – без идеологической ангажированности, без политических акцентов, без закабаления чувству национальной исключительности – еще предстоят.

Что же касается региональной идентичности Восточной Европы, то закономерность сокращения расстояния между этапами политической жизни, прослеженная Драгомановым на примере Франции и России, вполне применим и к Восточной Европе. И сближение между Россией и Украиной в ее рамках может наступить куда быстрее, чем это представляется сейчас. Как наступило сближение между «извечными врагами» – Францией и Германией – в Западной Европе.

Но – как показывает Драгоманов – оно достижимо лишь при мощном местном самоуправлении. В форме земств, громад, других ли автономных единиц. Пока перспективы укрепления такового достаточно неопределенны, но «крот истории» роет не только безостановочно, но и гораздо скорее, если есть образец уже намеченного хода.

ностью заявлял о неприемлемости царубийства, однако он и его единомышленники в той же мере, что и революционеры, были обречены на поиски убежища за границей” (19, zv. II, с. 332).

Литература

1. Вебер М., *К положению буржуазной демократии в России*, „Социология” 2005, № 3–4.
2. Вишняк М., *Всероссийское Учредительное Собрание*, Париж 1932.
3. Драгоманов М. П., *Літературно-публіцистичні праці*, ТТ. I–II, Наукова думка, Київ 1970.
4. Драгоманов М. П., *Собрание политические сочинений*, ТТ. I–II, Освобождение, Париж 1905-1906.
5. Драгоманов М. П., *Чудацькі думки про українську національну справу*, Вибране «... мій задум зложити очерк Історії цивілізації на Україні», Либідь, Київ 1991.
6. Драгоманов М. П., *Восемнадцать лет войны чиновничества с земством*, Женева 1883.
7. Задорожнюк И., *Всполохи революции и стропила реформ. О письмах А. Герцена “К старому товарищу”*, „Свободная мысль” 1993, № 13, с. 107–120.
8. Задорожнюк И., *Поэтический мечтатель или политический мыслитель? По следам переписки И. Тургенева и А. Герцена*, „Русское богатство” 1997, № 1.
9. Задорожнюк Э. Г., *Любовью или железом достигается единение общества?*, „Вестник Российской академии наук” 1993, Т. 63, № 12, с. 1103–1109.
10. Задорожнюк Э., Фурман Д., *Украинские регионы и украинская политика, Украина и Россия: общества и государства*, Права человека, М. 1997, с. 88–129.
11. Заславский Д., *М. П. Драгоманов*, Киев 1924.
12. Заславский Д., *М. П. Драгоманов. (К истории украинского национализма)*, М. 1934.
13. „Новое время” 1994, № 12.
14. *Опыт русского либерализма*, М. 1995.
15. *Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран. Круглый стол*, „Славяноведение” 1997, № 2; *Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности*, М. 2000.
16. *Самодержавие и земства*, Предисловие П. Струве, Освобождение, Париж 1903.
17. Ульянов Н. И., *Происхождение украинского сепаратизма*, Нью-Йорк 1966.
18. Черкезов В., *Драгоманов из Гадяча в борьбе с революционными социалистами*, Женева 1882.
19. Masaryk T. G., *Rusko a Evropa. Studie o duchovnich proudech v Rusku*, Dil I-III, Ustav T. G. Masaryka, Praha 1995–1996.
20. Zadorozhnyuk E., *The concepts of a New Europe in the Programs of the Political Parties of Social Democratic Orientation in Central Europe, A New Europe: Images of the Democratic Order*, Wrocław 1997.

Summary

Dragomanow, Russian, Ukrainian and European thinker, applied his abstract ideas to the practical issue of nationality in the 19th century. In his research into the problems of ethnic and regional identity he created a kind of political philosophy of social and national integration that corresponded with the main trends of the 19th century. The essence of this philosophy is the idea of a 'bunch' – social self-government which was to become the principle of the whole organizational structure of society. In the 20th century, in the era of strict centralization this idea could be neither applied nor even recognized. Dragomanow was among the first to formulate the problem of European regional identity. At present, when the continent of Europe is divided into three regions: the consolidating Western Europe, the disintegrating East Europe (the former USSR countries), and Central Europe emerging as a region, the above-mentioned ideas assume new meaning. Dragomanow's model that combines the ethnic, cultural, political and economic element in individual countries and regions with the analysis of optimum combinations of self-government and centralization deserves close attention.